
ОСНОВНОЕ БОГОСЛОВІЕ, его предметъ и задача ¹⁾.

Русь называютъ святою. Одни влагають въ это названіе тотъ священный смыслъ, который оно въ себѣ заключаетъ; другіе произносятъ его съ отъпскомъ пропіи. Конечно, если мы будемъ строить такіе силлогизмы: Русь свята, я—русскій: слѣдовательно я святъ, мы не только будемъ давать поводъ для пропіи, но и дадимъ основанія для глубокаго порицанія. Но если мы утверждаемъ: Русь свята, потому что выдвинула изъ своей среды сонми святыхъ подвижниковъ, потому, что въ теченіе вѣковъ она намѣчала себѣ святые идеалы, то тогда, думаю, ея наименованіе „святая“ не можетъ давать матеріала для глумленія.

Въ теченіе вѣковъ Русь жила церковными, т. е. религіозными идеалами, въ теченіе вѣковъ она выдвигала Антоіевъ, Θεодосіевъ, Сергіевъ, Серафимовъ. Первые изъ названныхъ жили въ началѣ существованія христіанской Руси; среди насъ еще живутъ тѣ, годы дѣтства которыхъ протекли при жизни послѣдняго. Да вмѣстѣ съ именемъ Серафима произносятъ имена и другихъ подвижниковъ еще болѣе близкихъ къ намъ по времени, пока не прославленныхъ церковью, но уже глубоко почитаемыхъ сынами церкви. Назову Амвросія оптинскаго. Въ Руси всегда была широко развита религіозная жизнь, и я не вѣрю, что она замираетъ теперь.

Но развитіе религіозной жизни никогда не соединялось

¹⁾ Вступительныя лекціи, читанныя студентамъ моск. дух. академіи въ сентябрѣ 1911 года.

на Руси съ развитіемъ науки о религіи. Можетъ быть второе есть слѣдствіе перваго: когда люди твердо вѣрятъ, они мало занимаются анализомъ вѣры; когда люди находятъ смыслъ и радость жизни въ служеніи Богу, они не ставятъ вопроса о Его существованіи. Люди высокаго религіознаго подвига всегда имѣютъ для себя и для сранивающихъ ихъ отвѣты на всѣ существенные вопросы вѣры, но это—вопросы большею частію не тѣ, которые пытается рѣшать наука о религіи: то—вопросы вѣры, а наука о религіи имѣетъ дѣло съ вопросами сомнѣнія.

Теперь вопросы, продиктованные подозрѣніемъ, сомнѣніемъ и отрицаніемъ, сыплются отовсюду. Правильно ли учителя церкви преподають церковное ученіе? Согласны ли ихъ завѣты съ ученіемъ Христа? Это—вопросы о правильности пониманія ученія, а рядомъ съ ними ставится уже и радикальный вопросъ: истинно ли это ученіе?

На аренѣ жизни циркулируетъ не мало вопросовъ, съ отвѣтами на которые можно не справиться. Что будетъ съ землею черезъ миллионъ лѣтъ, если солнце тогда будетъ давать меньше теплоты и если каменный уголь на землѣ изсякнетъ? Я думаю, что для обезужденія такого и подобныхъ вопросовъ будетъ еще достаточно времени у нашихъ потомковъ. Но вопросы о пониманіи и цѣнности несовѣдваемой нами религіозной вѣры не принадлежать къ числу тѣхъ, рѣшеніе которыхъ можно откладывать. Это—вопросы о томъ, какъ намъ жить, что намъ дѣлать сегодня и завтра, къ чему стремиться? Чѣмъ бы ни были продиктованы эти вопросы, хотя бы даже и темными намѣреніями, ихъ нельзя оставить безъ отвѣта.

Мы должны выяснитъ основы или существо нашей вѣры и основанія, почему мы въ ней видимъ истину. Намъ нужна наука о существѣ и основахъ нашей вѣры въ Бога, намъ нужно основное Богословіе.

Мы вѣруемъ, что христіанство въ его православномъ пониманіи есть истина. Предметомъ основнаго Богословія является сущность христіанства, задачею—обоснованіе истинности христіанства.

Но хотя для нашей вѣры христіанство въ православной формѣ есть истина, съ точки зрѣнія логическихъ и классификаціонныхъ схемъ, православіе есть одинъ изъ видовъ

христіанства, и христіанство есть одна изъ многихъ религій земного шара. Поэтому для выясненія существа православія намъ нужно подняться къ болѣе общимъ схемамъ. Мы должны выяснить, что такое религія въ самомъ широкомъ смыслѣ; мы затѣмъ должны выяснить, что такое христіанство въ его широкомъ пониманіи, и только послѣ этого мы уже можемъ перейти къ выясненію существа православія, которое по нашей вѣрѣ и разумѣнію является наиболѣе полнымъ выраженіемъ религіозной истины и силы.

Почему мы вѣруемъ въ это? Какія мы имѣемъ основанія для нашей вѣры? Задача основнаго богословія состоитъ въ томъ, чтобы суммировать и классифицировать эти основанія. Все то, что спрашиваютъ у насъ относительно нашей вѣры, сводится въ сущности къ тремъ вопросамъ. 1) Возможно ли допустить, что православно-христіанское ученіе есть истина, т. е. возможно ли согласить это ученіе съ принципами и требованіями нашего разума. Этотъ вопросъ получаетъ положительный отвѣтъ, если мы выяснимъ, что православно-христіанское ученіе не заключаетъ въ себѣ внутреннихъ противорѣчій. Но *ab posse ad esse non valet consequentia*—отъ возможности нельзя заключать къ дѣйствительности. И намъ ставятъ другой вопросъ. 2) Христіанское ученіе о дѣйствительности отвѣчаетъ ли нашимъ знаніямъ полученнымъ отъ непосредственнаго изученія дѣйствительности? Христіанство даетъ религіозную исторію міра и человѣчества отъ созданія земли и до основанія первыхъ христіанскихъ церквей. Эта исторія по нашей вѣрѣ есть богооткровенная, т. е. несомнѣнно истинная и она есть руководящее начало, объясняющее намъ наше положеніе въ мірѣ и наши обязанности по отношенію къ міру. По мнѣнію многихъ ученыхъ эта исторія, принимаемая нами какъ истина, представляетъ собой заблужденіе. Покойный берлинскій профессоръ Пфлейдереръ написалъ трактатъ: „Христосъ вѣры и Христосъ исторіи“. Вѣра окружаетъ Христа сверхъестественнымъ ореоломъ, Пфлейдереръ лишаетъ Христа этого ореола, онъ низводитъ его до уровня человѣка, котораго можно назвать необыкновеннымъ лишь въ томъ смыслѣ, въ которомъ этимъ именемъ называютъ Шекспира, Ньютона или великихъ моралистовъ, осуществлявшихъ въ жизни требованія утверждаемыя ими морали. Брошюра Пфлейдерера, имѣющая и

въ русскомъ переводѣ, является для насъ поучительною въ томъ отношеніи, что показываетъ, что вопросъ о соответствіи христіанскаго ученія съ дѣйствительностію нелегко рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ, но должно прибавить, что нелегко привести и твердыя доказательства этого соответствія. Трудно понять, какимъ образомъ Пфлейдереръ—человѣкъ безспорно умный,—договорился до того, до чего договорился. Невольно приходитъ на мысль гипотеза гоголевскаго городничаго: „если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ“ (Ревизоръ, дѣйствіе пятое, явленіе VIII). Дѣло разума и совѣсти Пфлейдерера признавать или отрицать правдивость евангельскихъ повѣствованій о Христѣ, но гдѣ Пфлейдереръ находитъ своего Христа исторіи? Если бы дѣйствительно былъ Христосъ знанія, то Христа вѣры бы не существовало. Разъ наука узнала, что земля шарообразна и не поддерживается ничѣмъ, вѣра въ то, что она стоитъ на слопѣ или черепахѣ, у всякаго овладѣвшаго этой наукой исчезаетъ. Тамъ, гдѣ имѣется знаніе, нѣтъ мѣста несогласующейся съ нимъ вѣры. Психологически невозможно утверждать что-либо во имя вѣры и отрицать то же самое и въ то же время во имя знанія. Христосъ вѣры существуетъ, потому что исторія не представила безусловно никакихъ данныхъ для отрицанія Его существованія. И Пфлейдереръ отлично зналъ это и за всѣмъ тѣмъ онъ выдумалъ своего Христа, провозгласилъ Его Христомъ исторіи, зная, что исторія не знаетъ Его, и повидимому повѣрилъ въ Него. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ Христа Евангелія и намъ предлагаютъ различные образы Христа, созданные воображеніемъ невѣрія. Последнихъ такъ много, что въ концѣ концовъ нѣкоторые стали склоняться къ мысли—не лучше ли всего допустить, что Христа совсѣмъ не было. Эта разнорѣчивость и противорѣчивость научныхъ представленій о Христѣ показываетъ, что правда Евангелія не опровергнута, но должно сознаться, что эти самыя гипотезы показываютъ, что она и не установлена. Евангеліе остается предметомъ вѣры, а не предметомъ знанія.

Сличеніе исторіи міра и человѣчества, какъ она представляется по христіанскому ученію и по даннымъ науки, не можетъ дать безспорныхъ результатовъ. Откровеніе во многихъ мѣстахъ мы плохо понимаемъ, а наука все очень плохо

знаеть. Съ точки зрѣнія вѣры этимъ жалкимъ состояніемъ науки и обусловливается сила невѣрія. Не зная астрономіи, легко отрицать систему Коперника, но это становится затруднительнымъ послѣ изученія относящихся къ дѣлу фактовъ. Не зная прошлаго, легко отрицать повѣствованія библіи о прошломъ во имя принциповъ и смѣлыхъ гипотезъ, но знаніе можетъ показать, что эти принципы и гипотезы на самомъ дѣлѣ ошибочны.

Пфлейдереръ и другіе отвергли согласіе библіи съ наукою не на основаніи науки—наука не располагаетъ никакимъ матеріаломъ для провѣрки евангельскихъ повѣствованій,—а потому что раньше отвѣтили отрицательно на вопросъ о возможности истинности христіанства. Бъще болѣе лицъ отвергаютъ христіанство, потому что даютъ отрицательный отвѣтъ на третій вопросъ относительно него. 3) Желательно ли, чтобы христіанство было истинною, отвѣчаетъ ли оно нашимъ этическимъ и эстетическимъ идеаламъ, представляетъ ли оно собою безцѣнную жемчужину, или оно, какъ и другія ученія, имѣя относительную цѣнность, имѣетъ и недостатки и не годится для нашего культурнаго времени или по крайней мѣрѣ должно подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ? Ницше назвалъ христіанскую нравственность моралью рабовъ, которые боятся зла, и противопоставилъ ей мораль героевъ, которые презираютъ зло. Евангеліе благословляетъ нищихъ духомъ, плачущихъ, смиренныхъ, труждающихся и обремененныхъ. Мы слышимъ вокругъ себя призывы къ иной морали; насъ призываютъ грабить богатыхъ не для того, чтобы облегчить имъ путь въ царство небесное, а для того, чтобы улучшить наше собственное положеніе въ царствѣ земномъ. Христіанство призываетъ къ борьбѣ съ страстями и похотями. Величайшій представитель христіанства писалъ: „наша брань не противъ крови и плоти“ (Ефес. VI, 12)—наша брань не съ людьми, но теперь насъ призываютъ къ брани именно противъ плоти и крови—противъ тѣхъ, о которыхъ предполагается, что они пользуются благополучіемъ за счетъ нашего благополучія. Эти воинственные призывы, громко и грозно раздающіеся вокругъ насъ, показываютъ, что идеалы христіанства отвергаются многими. Отвергается цѣнность христіанскихъ идеаловъ. Задача Основнаго Богословія состоитъ въ томъ, чтобы

выяснить безконечную цѣнность и разумность этихъ идеаловъ. Но именно тамъ, гдѣ истина безконечна, она является наиболѣе трудно доказуемой.

Въ концѣ концовъ вопросъ о томъ: христіанство въ православно-христіанскомъ пониманіи есть ли истина? рѣшается субъективно—вѣрою, которая вмѣняется въ праведность.

Этой вѣры нельзя дать, но къ ней можно вести. Какимъ путемъ? Самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы направить человѣка на православно-христіанскій путь, является возбужденіе въ человѣкѣ убѣжденія въ желательности того, чтобы православіе было истинно. Возбужденіе въ человѣкѣ желанія получить положительный отвѣтъ на тотъ вопросъ, который мы поставили третьимъ. Душа, полагаемъ мы, по природѣ христіанка и поэтому повидимому чаянія христіанина должны только выяснять смутныя стремленія религіозно-непросвѣщенной человѣческой души. Но будучи по природѣ христіанкою, душа подѣ воздействиемъ многихъ и разнообразныхъ условій можетъ утратить восприимчивость для оцѣнки христіанскаго идеала, она можетъ—какъ это мы и видимъ въ дѣйствительности—казаться ей нежелаемымъ, средства намѣчаемая христіанствомъ для достиженія торжества добра могутъ казаться нецѣлесообразными, поэтому для того, чтобы направить человѣка на христіанскій путь, во многихъ случаяхъ нужно такъ или иначе перевоспитать въ нѣкоторой мѣрѣ его душу.

Если съ одной стороны средостѣніемъ между православно-христіанскимъ ученіемъ и человѣкомъ можетъ стать его воля, то съ другой между этимъ ученіемъ и человѣкомъ часто становится разумъ. Распятый Христосъ былъ и остается соблазномъ для іудеевъ и безуміемъ для эллиновъ. Некультурные люди не понимаютъ смиренія силы. Какъ онъ владеетъ силою, чтобы сокрушить такого-то, и вмѣсто того, чтобы сокрушить, смиренно увѣщеваетъ его. Культурные люди не понимаютъ смиренія знанія, они не умѣютъ догадываться, что истинное знаніе можетъ только выяснитъ намъ нашу духовную нищету, а не избавитъ отъ нея. Некультурные люди, это—іудеи; культурные, это—эллины. Конечно, не всѣ—тѣ и другіе, но тѣ, у которыхъ заповѣди о блаженствахъ произнесенныя нѣкогда Христомъ, не находятъ отклика въ сердцахъ.

Изученіе религіи должно сдѣлать разумъ болѣе гибкимъ и болѣе вмѣстительнымъ. Разумъ, какъ и растеніе, можетъ задервенѣть, онъ воспринимаетъ тогда только то, что близко и родственно ранѣе воспринятому имъ, онъ не допускаетъ широкихъ размаховъ, онъ не можетъ понять новыхъ типовъ умозаключеній и поэтому онъ долженъ быть названъ негибкимъ и онъ не можетъ допустить существованіе типовъ явленій непохожихъ на извѣстныя ему и поэтому долженъ быть названъ мало вмѣстительнымъ. Мышленіе материалистовъ самая лучшая иллюстрація разума этого типа. На своемъ мѣстѣ—въ изученіи механической стороны бытія это мышленіе можетъ давать плодотворные результаты, но въ области самопознанія и познанія другихъ материальностей этимъ мышленіемъ не дастъ ничего кромѣ неразумнаго отрицанія идеальныхъ стремленій человѣчества.

Только весь строй жизни можетъ настроить волю по христіански, сообщить ей христіанское воспитаніе. Задача кафедры Основнаго Богословія не можетъ быть такою широкою, задача эта гораздо уже,—она заключается въ томъ, чтобы уничтожить средостѣніе между разумомъ и христіанскимъ ученіемъ. Какимъ способомъ должно выполнять эту задачу, какою дорогою должно идти? На эти вопросы нельзя дать категорическаго отвѣта. Если въ старину говорили, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, и мы знаемъ, что всѣ меридіаны ведутъ къ полюсамъ, если только не уклоняться отъ избраннаго разъ пути, то точно также можно сказать, что всякій фактъ, всякое явленіе можетъ стать исходнымъ пунктомъ для направленія ума къ Богу, если только въ нашихъ разсужденіяхъ мы не будемъ сбиваться. Симметрия въ кристаллѣ, наклонъ земной оси къ эклиптикѣ, движеніе луны, строеніе нашей руки, стремленія нашего духа, все можетъ направить мысль къ первопричинѣ и выяснитъ ее намъ, какъ Премудрую, Всеблагую и Всемогущую. Основа православно-христіанскаго ученія есть Библия, Задача апологета состоитъ въ томъ, чтобы внушить тѣмъ, къ кому онъ обращается съ своими рѣчами, что Библия есть книга истины. Можно различнымъ способомъ пытаться выполнить эту задачу. Въ устахъ апологета наиболѣе убѣдительнымъ будетъ то, что наиболѣе убѣждало его самого. Библия—книга съ безконечнымъ содержаніемъ, она можетъ поразить и своими

космологическихъ и историческихъ концепціями и своею поэтической стороною и своимъ моральнымъ ученіемъ. Библия можетъ заставитьъ человѣка задуматься, если вникнуть въ ея судьбу. Какое безчисленное количество разъ во имя знанія на пространствѣ вѣковъ отвергали то, что она утверждала, и по истеченіи времени всегда эти походы противъ Библии оказывались покушеніями съ негодными средствами. А сколько людей перевоспитала Библия? Отъ сколько преступленій она удержала и насколько добрыхъ дѣлъ подвинула!

Самое лучшее, если апологетъ поведетъ къ истинѣ тѣхъ, кого наставляетъ, тѣмъ путемъ, которымъ шель самъ, но онъ долженъ считаться съ индивидуальными особенностями лицъ ищущихъ истины. Духъ практическаго дѣятеля можетъ мало затрагиваться гармоніею между Библией и дѣйствительными завоеваніями науки, но на него сильно должно дѣйствовать соотвѣтствіе между нравственными требованіями Библии и стремленіями его собственнаго духа. Одного читателя могутъ поразить одни страницы Библии, другого другаго. Вдумчивый натуралистъ можетъ съ изумленіемъ остановиться передъ первой страницей книги Бытія, моралиста должно поразить десятословіе, возвѣщенное съ Синая, историкъ въ глубокомъ раздумьи долженъ остановиться на судьбахъ еврейскаго народа одновременно и высокозавидныхъ и вмѣстѣ трагическихъ. Безспорно, поразительнѣйшій и важнѣйшій элементъ Библии—Евангеліе. Евреи передали чело-вѣчеству Евангеліе, какъ и вообще Библию, но передавая книгу содержащую истину, они сами въ своей большей части не прочитали этой книги и не усвоили этой истины. Въ томъ, что они дали міру истину—ихъ величіе; въ томъ, что они сами доселѣ не приобщились этой истинѣ—ихъ трагедія.

Предметъ Основнаго Богословія есть сущность христіанства. Сущность христіанства есть Христосъ. Онъ путь, истина и жизнь. Выясненіе образа Христа и раскрытіе Его ученія и есть предметъ основнаго богословія—положительная задача этой богословской дисциплины. Если мы выяснимъ неудовлетворительность идеаловъ Зендъ-авесты, буддизма, ислама или конфуціанства, мы этимъ еще не докажемъ, что христіанство есть истина, только положительное раскрытіе

христіанскаго ученія можетъ привлечь къ христіанству души, жаждущія истины и эта положительная задача, задача святѣйшая, является въ тоже время и труднѣйшей. Пытаясь выяснитъ Евангеліе съ искреннею цѣлію помочь другимъ понять Его святость и величіе, мы часто искажаемъ и унижаемъ Его. Но мы не можемъ оставить Его и безъ толкованія. Для глухца и человѣка съ живымъ сердцемъ нѣтъ книги болѣе легко поддающейся, критикѣ, чѣмъ Евангеліе. И у людей искренней вѣры многое въ Евангеліи вызываетъ недоумѣнія. Ко мнѣ обращалось много лицъ, просившихъ меня объяснить, за что былъ похваленъ неправедный домоправитель въ притчѣ Господа (Лк. XVI). И такъ, приходится толковать истину, излагать ее не словами Евангелія, а своими, т. е. унижать ее, но что дѣлать? Въ этомъ униженномъ видѣ она иногда является болѣе доступною ограниченному и тронутому болѣзнью человѣческому уму.

Но за всѣмъ тѣмъ объ этомъ существенномъ нельзя говорить безъ смущенія и безъ сознанія того, что говоришь плохо, не умѣешь выразить того, что чувствуешь, а порою приходится сознавать сомнительность и слабость собственнаго пониманія.

Евангеліе представляетъ намъ въ Иисусѣ Христѣ реализацію идеала, но не при идеальныхъ условіяхъ. Всякій человѣкъ зачинается отъ акта, въ которомъ, каковъ онъ теперь, всегда есть элементъ грѣховнаго возбужденія. Евангеліе говоритъ о безсѣмennomъ зачатіи Христа, о зачатіи Его отъ чистой и невинной дѣвы, мало этого, отъ чистой дѣвы, которую осѣнило особое божественное воздѣйствіе. Начало святое. Должно сказать, что и въ языческихъ религіяхъ встрѣчаются лица, о которыхъ говорится, что они родились не отъ мужей: по многимъ буддійскимъ версіямъ Майя родила Будду безъ участія мужа; аналогичныя сказанія существуютъ о Лаотцы. Однако замѣчательно: въ языческихъ религіяхъ сохраняется чудо, но исчезаетъ смыслъ чуда. Майя представляется обыкновенною женщиною и дѣйствительно женою мужа только рождающею Будду чудеснымъ образомъ. Мысли о потребности чистыхъ рожденій, рожденій отъ Бога, такой мысли мы не встрѣчаемъ нигдѣ. Евангеліе представляетъ намъ Иисуса, какъ плодъ такого рожденія. За рожденіемъ слѣдуетъ возрастаніе. Возрастаніе въ

наилучшемъ смыслѣ есть усовершенствованіе. Процессъ усовершенствованія въ человѣчествѣ всегда представляется, какъ рядъ переходовъ отъ заблужденій къ истинѣ, отъ грѣховности къ святости. Законодатели естественныхъ религій и представляются шедшими этими путями: Будда, Заратустра, Конфуцій некали истины и доходили до нея путемъ ошибокъ и отступленій отъ идеальной правды. Если же легенды иногда представляютъ ихъ совершенными отъ рожденія, тогда они только перестаютъ быть людьми и вообще живыми существами, не приобретаая чертъ идеальности: Будда—непосредственно послѣ рожденія выступающій съ проповѣдью, при чемъ эта проповѣдь окружается безчисленными чудесами, это—нѣчто непонятное и странное. Евангеліе даетъ понять намъ, что Іисусъ въ своемъ развитіи переходилъ отъ состоянія невинности къ состоянію совершенства. Онъ принялъ на себя все человѣческое, кромѣ грѣха, онъ преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ и исполнялъ всякую правду. Грѣха Онъ не зналъ и не позналъ опытно, но Онъ понималъ грѣхъ. Онъ не переживалъ грѣховной борьбы вслѣдствіе искушеній, но Онъ страдалъ отъ попытокъ искусить Его. Онъ не имѣлъ грѣховныхъ движеній, мыслей или дѣйствій, но Онъ мучился отъ грѣховныхъ замысловъ и дѣйствій другихъ. При идеальномъ порядкѣ вещей матерія должна быть всецѣло подчинена духу. Видя враждебную власть матеріи надъ духомъ, идеалистическіе мыслители древности разсматривали матерію, какъ зло, мечтали о томъ, какъ высвободиться изъ-подъ ея власти, какъ уничтожить матеріальное царство. Евангеліе, можно сказать, матеріалистично: Сынъ Божій, Богъ облекся въ дѣйствительную матерію, сталъ дѣйствительнымъ человѣкомъ, субстанціанально соединился съ матеріальной природой. И Евангеліе учитъ, что въ концѣ вѣковъ произойдетъ воскресеніе тѣлъ. Но теперешнее отношеніе духа къ матеріи ненормально. Іисусъ, Сынъ Божій, какъ идеальный человѣкъ, имѣлъ власть надъ природою; какъ Богу, она была подчинена Ему всецѣло. Но принявши на Себя все человѣческое, Онъ принялъ послѣдствія грѣховъ человѣчества—разстройство нормальныхъ отношеній между природой и человѣческимъ духомъ; принялъ гнеть матеріи, гнеть зла надъ собою. Онъ не могъ умереть естественною смертью, ибо смертъ

противоестественна, но Онъ могъ умереть и умеръ смертию насильственной. Не одна Его смерть, а вся Его жизнь была жертвой за грѣхи человѣчества, но смерть была завершительнымъ моментомъ этой жертвы. Смерть воплощеннаго добра повидимому должна быть торжествомъ зла. Но это не такъ. Когда злу кажется, что оно реализуется, оно погибаетъ. Для того, чтобы соединеніе Бога съ человѣчествомъ было полнымъ, Богочеловѣкъ долженъ былъ пройти весь человѣческій путь: Онъ жилъ въ царствѣ земномъ, Онъ долженъ былъ сойти въ царство преисподнихъ, чтобы приобщиться къ міру умершихъ людей и приобщить ихъ къ Себѣ. И когда Онъ сошелъ въ адъ, Его искупительное дѣло было завершено, Онъ смертію упразднилъ державу смерти (когда Онъ умеръ: „многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли“ Мѡ. 27, 52) и послѣ этого Онъ воскресъ, вознесся на небо и сѣлъ одесную Бога.

Жизнь Иисуса Христа была подвигомъ на благо человѣчества, но у Него была и личная жизнь. Онъ былъ полнымъ человѣкомъ. Мы видимъ Его на брачномъ вечерѣ, видимъ на обѣдахъ, видимъ допускающимъ омытъ его ноги миромъ: узнаемъ, что у Него былъ другъ Лазарь, былъ любимый ученикъ Іоаннъ, что за нимъ слѣдовали жещины, служившія Ему, что его хитонъ представлялъ такую цѣнность, что воины разыграли его. Мы видимъ Его съ дѣтьми. Его личная жизнь остается въ тѣни въ Евангеліи, ибо задача Евангелія была научить насъ, а не удовлетворять только наше любопытство. Относительно многого Евангеліе оставляетъ насъ въ недоумѣніи. Иисусъ Христосъ ѣлъ рыбу, а мясо? Какъ будто можно дѣлать выводъ что ѣлъ, но это не выражено ясно.

Порою можетъ казаться, что Христосъ былъ суровъ съ своею Матерью: Его первый отвѣтъ матери, сохранный Евангеліемъ—матери съ великою скорбью искавшей Его, былъ таковъ: зачѣмъ было вамъ искать меня (Лк. 2, 49)? Мы видимъ далѣе Его мать съ безпокойствомъ и смущеніемъ слѣдящая за Нимъ, желающую говорить съ Нимъ. И Христосъ сказалъ: кто мать Моя и, указавъ на учениковъ, сказалъ: вотъ мать Моя (Мѡ. 12, 46—50). И на замѣчаніе, что Его мать блаженна, Онъ сказалъ: блаженны слышашіе Слово Божіе (Лк. 11, 28). Наконецъ, умирая на крестѣ, Онъ не

назвалъ ее матерью, а женою и указавъ на Іоанна сказать: се сынъ твой (Іоан. 19, 26).

А мать при своемъ первомъ выступленіи въ Евангеліи сказала: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему (Лк. 1, 38). Между тѣмъ, въ этомъ глаголѣ заключалось и то, что ей оружіе пройдетъ дуңу. А мать слагала глаголы въ сердцѣ своемъ.

Мы не видимъ у Христа нарушенія заповѣди: чти отца и *матерь*, но несомнѣнно въ его отношеніяхъ къ матери была сдержанность. Что же: Онъ сдерживалъ свое сыновнее чувство или не имѣлъ его? Послѣднія Его слова на крестѣ объясняютъ все. Ради матери Онъ не могъ оставлять своего служенія (не видно, чтобы и мать требовала этого), отсюда Его сдержанность. Но когда служеніе было выполнено, когда Онъ Самъ принесъ Себя въ жертву, Его послѣднею заботою на землѣ была мать. Но Онъ не назвалъ ее матерью, Онъ умираетъ, можно ли назвать матерью ту, у кого нѣтъ дѣтей. Онъ говоритъ ей: жено, но у ней явится новый сынъ—Іоаннъ, и Христосъ говоритъ ему: се мати твоя. Если бы Іисусъ назвалъ ее съ креста матерью, нѣжность этого имени заставила бы ее сильнѣе почувствовать глубину Его страданій. На крестѣ Іисусъ явилъ свою трогательную любовь къ матери, но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ съ безконечно мудрою любовью сдѣлалъ такъ, что это проявленіе любви не усугубило ея страданій.

Христосъ любилъ свою мать, свой народъ, только на почвѣ такой любви возможна любовь къ человѣчеству—любовь безмѣрно высокая и безмѣрно трудная для тѣхъ, кто ее имѣетъ въ себѣ, и любовь ничего не стоящая и даже избавляющая отъ тратъ тѣхъ, кто ее имѣетъ только на языкѣ: во имя любви къ человѣчеству можно отказывать въ помощи всякому челоуѣку.

Жизнь І. Христа была подвигомъ на благо челоуѣчества. Двѣнадцатилѣтній Іисусъ, оставившій родителей и пребывающій въ храмѣ, Іисусъ крестящійся у Іоанна, Іисусъ—въ пустынѣ, это—Іисусъ, приготавлиющійся къ служенію. Іисусъ учащій и чудотворящій, Іисусъ страждущій, распятый, воскресшій и вознесшійся на небо это—Іисусъ подвига.

Іисусъ училъ и творилъ чудеса. Между его ученіемъ и чудесами нельзя и не должно проводить границы. Его принципъ: *въра есть сила*. „Истинно говорю вамъ, сказалъ Онъ:

если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда; и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“ (Мф. XVII, 20). И можетъ быть для величайшихъ изъ послѣдователей Христа труднѣе было сдерживаться отъ совершенія чудесъ, чѣмъ отъ того, чтобы совершать ихъ. Иаковъ и Иоаннъ хотѣли низвести огонь съ неба на самарійское селеніе, но Господь запретилъ имъ (Мк. IX, 55). Христосъ не творилъ чудесъ для себя, Онъ голодалъ въ пустынѣ и не допустилъ, чтобы голодали тѣ, которые пришли къ Нему слушать Его ученіе, онъ изнемогалъ подъ бременемъ креста и Онъ укрощалъ бури. Онъ не допустилъ, чтобы изъ-за Него пострадалъ рабъ первосвященника (Иоан. XVIII, 10). Посредствомъ чуда Онъ защитилъ своего врага отъ своихъ друзей, и даже какъ бы чудесно иногда удаляясь отъ своихъ враговъ, Онъ можетъ быть тѣмъ спасалъ ихъ отъ мести разъяренной толпы. Его чудеса въ своей сущности представляютъ сверхъестественное исправленіе противоестественнымъ образомъ разстроенаго естественнаго порядка.

Первое чудо совершенное Христомъ въ Канѣ Галилейской состояло въ томъ, что Онъ претворилъ на брачномъ пиру воду въ вино. Это чудо повидимому смущало нѣкоторыхъ и о немъ не говорится въ нѣкоторыхъ изложеніяхъ Евангельской исторіи. Но напрасно: изъ евангелія нельзя ничего удалять. Чудо въ Канѣ, какъ и обычно у Христа, было вмѣстѣ и ученіемъ и дѣломъ. Этимъ чудомъ Христосъ благословилъ бракъ и радости брачнаго пира; это чудо учить, что для христіанина бракъ святъ, и пища и питье суть дары Божіи во благо. Но въ чемъ состояло чудо? Не настаивая на несомнѣнной достовѣрности своего объясненія, я толкую такъ: въ томъ, что участникамъ брачнаго пира въ Канѣ временно былъ возвращенъ нормальный вкусъ. Измѣненіе коснулось и воды, но понятно, что это измѣненіе не могло состоять въ томъ, что водѣ были сообщены дѣйствующія отрицательно на человѣка свойства алкоголя. Нашъ вкусъ, какъ и всѣ наши органы, поврежденъ, ему дурное иногда можетъ нравиться болѣе, чѣмъ хорошее, но и галилейская вода—тѣмъ болѣе вода для омовенія и очищенія—не могла обладать высокими качествами. Христосъ присушею ему силою на время и притомъ въ одномъ отношеніи

преобразоваль строй поврежденный въ строй нормальный. Онъ далъ гостямъ пира способность воспринимать истинно пріятное и Онъ сообщилъ водѣ свойства пріятности.

Чудо въ Канѣ является прототипомъ всѣхъ чудесъ Христа. Всѣ они представляютъ собою возвращеніе міровой жизни къ ея идеальнымъ нормамъ. Власть надъ стихіями, хожденіе по водамъ, насыщенія тысячей пятью и семью хлѣбами, исцѣленіе отъ болѣзней, дарованіе зрѣнія слѣпорожденному, воскрешеніе умершихъ, собственное воскресеніе Христа, Его прославленное тѣло, проникавшее чрезъ затворенныя двери,—все это есть введеніе въ жизнь тѣхъ началъ, которыя и есть и должны быть дѣйствительными нормами жизни. Къ установленію этихъ нормъ постепенно и направляется человѣчество.

По мѣрѣ того, какъ человѣкъ совершенствуется, природа теряетъ надъ нимъ свою силу и начинаетъ подчиняться ему. Это уже открывается въ области умственной, въ сферѣ научной. Чѣмъ болѣе человѣкъ познаетъ природу, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ надъ нею власть, тѣмъ болѣе находитъ возможнымъ избавляться отъ бѣдствій, которыми она угрожаетъ, и извлекаетъ изъ ея даровъ полезное себѣ и другимъ. Но сама наука въ лицѣ своихъ представителей вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ здѣсь человѣку, что онъ никогда не станетъ властелиномъ природы, потому что въ сущности онъ есть только ея продуктъ. Достаточно нѣсколько охладиться солнцу или измѣниться эксцентриситету земной орбиты, чтобы все человѣчество со всею его цивилизаціею было погребено подъ снѣжными пеленами. Христіанская религія говоритъ иное: совершенствуйтесь нравственно—и вы станете владыками міра. Человѣкъ ведетъ съ животными жестокую войну. Хищники энергично истребляются на обоихъ полушаріяхъ. О волкахъ и медвѣдяхъ въ Европѣ скоро останется одно только воспомнаніе. Наука умножаетъ средства ихъ истребленія, и ихъ истребляютъ. Умственное совершенствованіе человѣка даетъ ему побѣду надъ животными и обуславливаетъ гибель послѣднихъ. Религіозно-нравственное совершенствованіе ведетъ къ иному результату—къ подчиненію животныхъ человѣку. Міръ не оустошается, твари не гибнутъ, но въ мірѣ устанавливается миръ. Житія повѣствуютъ намъ, какъ дикія и страшныя животныя были роб-

кими и послушными слугами святыхъ. Св. Герасиму, спасавшемуся на Иорданѣ, служилъ левъ. Къ преподобному Сергію Радонежскому медвѣдь приходилъ за пищею. То же самое рассказываютъ намъ о преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ. Нѣчто подобное каждый могъ видѣть или видѣлъ изъ насъ. Существуютъ укротители звѣрей. Существуютъ животныя, не нападающія на человѣка. Такъ, американскій левъ—пума обнаруживаетъ, говорятъ, по отношенію къ человѣку удивительную покорность. Но все это только слабыя отзвуки того идеальнаго порядка вещей, при которомъ человѣкъ долженъ быть владыкою тварей. Теперь только отдѣльные святые Божіи получаютъ эти права владычества надъ тварями. Теперь вообще духъ подчиненъ тѣлу. Болѣзни тѣла угнетаютъ духъ, потребности тѣла заглушаютъ потребности духа. Теперь со стороны самыхъ идеальныхъ людей часто ведутся рѣчи только о томъ, какъ накормить голодныхъ. Наука помогаетъ въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей тѣла. Развитіе сельско-хозяйственной промышленности усиливаетъ производство продуктовъ питанія, медицина борется съ болѣзнями. Но религіозно-нравственное совершенствованіе ведетъ къ иному—къ побѣдѣ духа надъ потребностями тѣла. О святыхъ и угодникахъ Божіихъ мы читаемъ, что они постились по многу дней, не вкушая пищи совѣмъ, что питаніе ихъ было поразительно мало. Одна небольшая просфора на недѣлю—довольно обычная пища подвижника. [†] Недавно прославленномъ угодникѣ мы читали, какъ онъ питался въ затворѣ. Невкушеніе пищи по суткамъ было для него обычнымъ дѣломъ. Къ врачамъ угодники не обращались и они пребывали въ постоянной работѣ, проводили ночи безъ сна и жили по 70—80 и болѣе лѣтъ. Наука и опытъ борются со стихіями. Отъ холода устраиваютъ теплыя жилища и заводятъ теплую одежду, отъ грозы защищаются громоотводами, пытаются теперь устраивать градоотводы. Но объ угодникахъ Божіихъ мы знаемъ, что они ходили по снѣгу босыми, не имѣли теплой одежды и теплыхъ жилищъ. Когда ихъ ближнимъ угрожали стихіи, они молитвой уничтожали опасность. Каменная туча, нависшая надъ Устюгомъ, молитвою Прокочія Устюжскаго была отведена отъ города, и камни попадали на пустынномъ мѣстѣ, не причинивъ никому вреда. Силы природы препобѣждаются силою духа.

Самый основной міровой законъ—законъ тяжести и тотъ, оказывается, преобъяздается силою какого-то высшаго закона. Недаромъ у насъ много существуетъ сказаній о хожденіи по водамъ, поднятіи на воздухъ, безвредномъ паденіи съ высотъ. Промысль Божій охраняетъ праведниковъ во всѣхъ путяхъ ихъ. Въ этомъ отношеніи глубоко поучительнымъ является житіе новопрославленнаго святого, столь близкаго къ намъ по времени жизни—преподобнаго Серафима. Маленькимъ мальчикомъ онъ падаетъ съ высокой колокольни и остается невредимъ. Взрослымъ онъ живетъ въ пустынномъ лѣсу, и никакія опасности отъ звѣрей и стихій не угрожаютъ ему. Должно усовершенствоваться религіозно-нравственно. По мѣрѣ этого усовершенствія будетъ исчезать зло среди людей, и природа, болѣе и болѣе переставая вредить человѣку, болѣе и болѣе будетъ служить его благу. Идеальный конецъ этого пути усовершенствованія указываетъ апостоль: „мы, по обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда“ (2 Петр. III, 13).

Богооткровенная религія учитъ о воскресеніи тѣлъ. Раздѣленіе души съ тѣломъ есть временное явленіе. Эпохъ и Илія не видѣли смерти. Затѣмъ Библія говоритъ намъ о многихъ случаяхъ воскрешенія умершихъ, т. е. вторичнаго соединенія духа съ тѣломъ. Эти воскрешенія были временны и за ними слѣдовала вторичная смерть, но они прообразовывали будущее всеобщее воскрешеніе. Величайшимъ событіемъ въ христіанской церкви является воскресеніе Христово. Апостоль Павелъ говоритъ, что „если Христосъ не воскресъ, то вѣра наша тщетна“ (Коринт. 15, 17). Многие западные богословы, повидимому, не понимаютъ этого изреченія. Они вѣрятъ въ безсмертіе души, но мысль о воскресеніи тѣльнимъ чужда. Безсмертіе, по ихъ воззрѣніямъ, ожидаетъ насъ совсѣмъ въ иномъ мірѣ. Тогда, конечно, тѣлесное воскресеніе Христово для нихъ является не только чѣмъ-то непонятнымъ, ненужнымъ, но даже прямо отступленіемъ отъ идеальной цѣли, ибо оно явилось временнымъ возвращеніемъ на землю духа, уже было ушедшаго на небо. Но не такъ учитъ насъ новозавѣтное писаніе; оно, если позволительно такъ выразиться, въ своемъ родѣ матеріалистично. Настаивая на высокой важности факта воскресенія Хри-

стова, новозавѣтное благовѣстіе, Новый Заветъ, предвидитъ, что чѣмъ важнѣе фактъ, тѣмъ естественнѣе сомнѣнія относительно него и тѣмъ необходимѣе строгія доказательства его дѣйствительности. И Новый Заветъ указываетъ на множество свидѣтелей и свидѣтельствъ воскресенія Христа. Эти свидѣтели и свидѣтельства прежде всего даются въ Евангеліи. Писатель книги дѣяній св. апостоловъ начинаеть съ заявленія, что Иисусъ „явилъ Себя живымъ по страданіи Своимъ многими вѣрными доказательствами, въ продолженіи сорока дней являясь и говоря о Царствіи Божіемъ“ (1, 3). Эта ссылка на многія вѣрныя доказательства очень поучительна. Она показываетъ, что событіе подвергалось сомнѣнію, оспариванію и изслѣдованію и въ результатѣ изслѣдованія явились многія доказательства. Теперь оспариваютъ подлинность многихъ новозавѣтныхъ писаній. Но и съ отрицаніемъ принадлежности новозавѣтныхъ книгъ тѣмъ писателямъ, которымъ онѣ усвоены церковною традиціей, и съ признаніемъ сравнительно позднѣйшей даты ихъ происхожденія (далеко отъ 1-го вѣка ихъ теперь никто не отодвигаетъ), значеніе свидѣтельствъ не уничтожается. Кромѣ того существуютъ свидѣтельства, о подлинности и искренности которыхъ не можетъ быть споровъ. Таково свидѣтельство ап. Павла (въ 1 Коринѣ. 15). Для того, чтобы отвергнуть значеніе этого свидѣтельства, можно допустить только одно: апостоль ошибку. Апостоль предвидитъ возможность этого допущенія и потому приводитъ „облакъ свидѣтелей“ воскресенія. Онъ перечисляетъ явленія Христа Києѣ, двѣнадцати, болѣе, нежели пяти стамъ братій, Іакову, всѣмъ апостоламъ, ему самому Павлу (3—8 ст.).

Умершіе, по Библіи, воскресали и до Христа и силою слова Христа. Но ветхозавѣтные и новозавѣтные писатели не останавливаютъ особеннаго вниманія на этихъ чудесахъ воскрешенія, не обнаруживаютъ опасенія, что имъ не поверятъ, не дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ широкихъ выводовъ. Но совершенно иначе они относятся къ воскресенію Христа и они называютъ Его первенцемъ изъ умершихъ. Какъ же Онъ—первенецъ, а дочь Іаира, сынъ наинской вдовы, четырехдневный Лазарь? Писаніе раскрываетъ намъ, что тѣ воскресли съ тою же тѣлесною природою, съ которою умерли, и потому умерли оцять.

Смерть ненормальна по идеѣ откровенной религіи, по такъ какъ грѣхомъ въ міръ вошла смерть, она пріобрѣла характеръ нормы. И люди опредѣлили нормальную продолжительность жизни. Въ псалмѣ Моисея эта норма опредѣляется въ 70—80 лѣтъ (Псал. LXXXIX, 10). Иисусъ, сынъ Сираха, готовъ продлить ее до 100 (XVIII, 8). Ненормальною люди издавна стали считать смерть, постигающую человѣка задолго раньше предѣльнаго срока въ 70 или 80 лѣтъ. Чудеса воскрешенія, совершенныя Христомъ, представляли собою побѣду надъ этимъ вторымъ типомъ ненормальности. Дочь Іаира умерла двѣнадцати лѣтъ, сынъ вдовы нанинской быть юношею. Не видно, чтобы Лазарь былъ старикомъ. О старикахъ и не скорбятъ такъ, какъ скорбѣли о немъ. Нужно обратить вниманіе еще на другую черту этихъ воскрешеній. О дочери Іаира Христосъ сказалъ: „дѣвица не умерла, но спитъ“. О Лазарѣ Онъ сказалъ: „Лазарь, другъ нашъ, уснулъ“. Не настаивая на несомнѣнной истинѣ своего толкованія, предполагаю, что эти слова подсказываютъ такую мысль: дочь Іаира, Лазарь умерли, но они еще не вступили въ сферу инобытія, они спятъ. Послѣ смерти человѣкъ вводится въ среду абсолютно непохожую на ту, въ которой онъ жилъ раньше. Едва ли онъ сразу способенъ ориентироваться въ этой новой средѣ и свободно воспринимать и взвѣшивать новыя впечатлѣнія. Онъ въ новомъ мірѣ подобенъ новорожденному младенцу. И если божественною силою онъ былъ снова возвращенъ черезъ четыре дня въ міръ прежній, онъ могъ явиться сюда безъ всякихъ откровеній о загробномъ мірѣ. Воскресшіе усопшіе возвращались въ міръ тѣми же людьми. Они не нисходили въ адъ. Они возвращались въ міръ съ тѣлесною природою этого міра. Христосъ возсталъ въ прославленномъ тѣлѣ. Уже раньше въ преображеніи Онъ показалъ Своимъ ближайшимъ ученикамъ, что природа Имъ не только побѣждена, но преображена и просвѣтлена. По воскресеніи Его тѣло явило совершенно новыя свойства: оно обладало способностью всепроницанія (Онъ проходитъ чрезъ затворенныя двери), могло становиться невидимымъ, могло не подчиняться силѣ земного притяженія, и въ то же время оно являло на себѣ индивидуальныя особенности—слѣды ранъ. Возможно ли все это? Науки о матеріи теперь должны сказать: да, возможно. Непроницаемости не существуетъ и

достаточно перевести матерію или энергію изъ одного состоянія въ другое, чтобы онѣ могли проникнуть сквозь преграду, обычно являющуюся непроницаемой. Точно также, если тѣло будетъ поглощать или пропускать все падающее на него лучи и не будетъ ихъ отражать, оно станетъ невидимымъ. Наконецъ, дѣйствию закона тяготѣнія. Всякій изучавшій начала механики знаетъ, что достаточно землѣ приобрести скорость вращенія вокругъ оси въ 17 разъ большую, чѣмъ теперь, чтобы тяжесть перестала дѣйствовать на экваторѣ. Если каждое тѣло представить состоящимъ изъ молекулъ того или иного вѣса, то легко вычислить, съ какою скоростью должна вращаться каждая молекула, чтобы тѣло совершенно потеряло вѣсъ, такъ сказать эмансипировалось отъ дѣйствія земной тяжести, причемъ само тѣло нисколько бы не измѣнилось, такъ какъ въ немъ не измѣнилось бы молекулы и не измѣнилось бы ихъ взаимоотношеніе. То, что мы сейчасъ пишемъ, не есть плодъ фантазіи и не есть только теорія; нѣтъ, аналогичные опыты уже производятся (разумѣется, не на живыхъ людяхъ, а наприм. въ воздухоплавательныхъ аппаратахъ уменьшеніе вѣса частей аппарата черезъ сообщеніе имъ быстрого вращательнаго движенія). Нервная система человѣка есть аккумуляторъ энергій, которую обычно называютъ нервнымъ электричествомъ, двигательные нервы сообщаютъ импульсы, благодаря которымъ сокращаются или расслабляются мускулы. Но человѣкъ теперь и въ слабой степени управляетъ этой энергіей и совершенно не понимаетъ, какъ ею управлять, какъ его повелѣнія обращаются въ дѣйствія. Дисциплина духа вообще усиливаетъ эту власть. Матерія, переходя изъ одного состоянія въ другое, можетъ тоже принимать видъ болѣе удобный для воздѣйствія на нее духа. Матерія эволюционируетъ. Ап. Петръ говоритъ о какомъ-то таинственномъ, аллегорическомъ огнѣ, подъ воздѣйствіемъ котораго небо и земля преобразуются такъ, что на нихъ будетъ жить лишь правда. Это значитъ, что матеріальный міръ въ будущемъ всецѣло будетъ подчиненъ власти праведниковъ. Энергій міра придутъ въ новыя сочетанія, откроются новыя виды энергій, пока у человѣка нѣтъ органа даже для воспріятія воздѣйствія электрической энергій: онъ воспринимаетъ электричество, какъ тепло, свѣтъ, звукъ, движеніе, но никогда

не воспринимаетъ и даже не представляетъ электричества непосредственно. Но аппаратъ человѣческаго тѣла долженъ измѣниться, онъ будетъ воспримчивъ къ воздѣйствіямъ, которыхъ теперь не воспринимаетъ, онъ можетъ стать несравненно эластичнѣе, напримѣръ, можетъ приобрести способность безгранично измѣнять силы и свойства своего зрѣнія или своего слуха. Но намъ нѣтъ нужды, да мы и не можемъ представить себѣ образъ будущаго сына правды. Мы только говоримъ, что наука настоящаго даетъ основанія для вѣры въ такое торжество духа надъ матеріею въ будущемъ. Исторія міра, какъ къ своему идеальному концу, направляется къ новому небу и къ новой землѣ, о которыхъ говорить апостоль (Филип. 3, 21; 1 Коринт. 15, 51—54). Начало этому идеальному концу исторіи было положено у вратъ гроба Христова, когда рано утромъ по прошествіи субботы первымъ представителямъ и представительницамъ христіанской общины было возвѣщено: Христосъ воскресъ!

Христосъ грѣха не сотворилъ и не оказалось лести въ устахъ Его. Но люди, ищущіе повода для соблазна, могутъ указать и указываютъ на Его отношеніе къ матери, къ женѣ хананеянкѣ, просившей объ исцѣленіи дочери, о которой Онъ сказалъ, что нельзя отнимать пищу у дѣтей и отдавать ее псамъ; также могутъ указать на то, что Онъ бичевалъ своими рѣчами книжниковъ и фарисеевъ и что, наконецъ, буквально выгналъ торгующихъ изъ храма. Сдержанность Христа по отношенію къ матери, какъ мы говорили, есть отреченіе отъ того счастья, которое даетъ материнская любовь, есть выраженіе заботы о томъ, чтобы оружіе по возможности слабѣе поразило ея душу—на крестѣ Богоматерь теряла Того, Кого имѣла мало. вмѣстѣ съ тѣмъ отношенія Христа къ матери, братьямъ, сестрамъ и чуждымъ ему по плоти наставляли, что каждый, слушающій слово Божіе и соблюдающій его, можетъ стать также близокъ Христу и также блаженнъ, какъ Его мать и братья.

Рѣзкія слова обращенныя къ хананеянкѣ и соединенныя съ исцѣленіемъ ея дочери, были испытаніемъ для нея и назиданіемъ для мало вѣровавшихъ въ Него не только іудеевъ, но и учениковъ. Рѣчи, которыми бичевалъ Христосъ лицемѣріе и пороки, были моральнымъ наказаніемъ для грѣшниковъ, которое нѣкоторыхъ несомнѣнно исправляло.

Тѣ, которые хотятъ видѣть въ нихъ выраженіе просто гнѣва, забываютъ, что Христосъ Своею чудотворною силою всегда могъ поразить своихъ враговъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ врагами правды. Такъ и поступали нѣкоторые святые и въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ. Такъ готовы были поступить и ученики Христа (Господи! позволи намъ свести огонь съ неба), но Христосъ для вразумленія грѣшниковъ не употреблялъ карательныхъ чудесъ и это показываетъ, что по отношенію къ нимъ Онъ не имѣлъ гнѣва. Бичъ, который Христосъ употребилъ противъ торговцевъ въ храмѣ, понятно былъ бичемъ символическимъ. Что могъ сдѣлать Христосъ съ этимъ бичемъ противъ орды торгашей? Этотъ бичъ не утрашилъ, а *устыдилъ* ихъ.

Христосъ Евангелія есть чудо, но кто говоритъ, что этого Христа не было, что онъ продуктъ воображенія писателей. Евангелія или идеализировавшихъ историческаго Иисуса или, что допускается теперь, можетъ быть и совѣмъ создавшими несуществовавшій образъ, тѣмъ, которые такъ рассуждаютъ и думаютъ, должно указать, что даже и при такомъ предположеніи Евангеліе остается чудомъ, т. е. такимъ произведеніемъ, которое не могъ написать человѣкъ безъ помощи свыше. Есть двѣ черты въ Евангеліи, на которыхъ поэтому слѣдуетъ остановиться. Во первыхъ, Евангеліе изображаетъ намъ человѣка *безгрѣшнаго* и говоритъ, что такой человѣкъ былъ единственнымъ. Евангеліе есть часть Библии, пусть укажутъ въ этой священной книгѣ другой образъ безгрѣшнаго человѣка. Его нѣтъ. Библия откровенно говоритъ о слабостяхъ Ноя и Лота, о хитрости Авраама въ Египтѣ, о лукавствѣ Ревекки и Иакова, Библия изображаетъ намъ слабости Давида, паденіе Соломона, Библия говоритъ, что нѣтъ человѣка безъ грѣха, хотя бы онъ прожилъ только одинъ день на землѣ. И Моисея и Илію она представляетъ колебавшимися. И ни въ какой литературѣ, ни въ какомъ произведеніи нѣтъ изображенія безгрѣшнаго человѣка. Каноническія сказанія о Буддѣ, Заратустрѣ, Конфуціи, Магометѣ непременно приписываютъ этимъ людямъ какія-либо черты несовмѣстимыя съ нравственнымъ идеаломъ. Боги и герои Гомера небезупречны, небезупречны и герои всѣхъ поэтическихъ твореній. Величайшіе гении поэзій не могли дать типа морально совершеннаго человѣка. Одно только Еван-

геліе, написанное невѣдомыми лицами, дало его. Во вторыхъ, Евангеліе изображаетъ Христа Богомъ и человѣкомъ, вмѣстѣ, богочеловѣкомъ. Дать такое изображеніе—задача непосильная для естественныхъ силъ человѣка. Въ Евангеліи Христосъ совершенный Богъ и совершенный человѣкъ. Одно не вытѣняетъ другого. Онъ учитъ, управляетъ стихіями, исцѣляетъ и воскрешаетъ, какъ Богъ, и плачетъ у стѣпъ Иерусалима, у гроба Лазаря, въ Геесиманскомъ саду, какъ человѣкъ. Онъ насыщаетъ 5-ю хлѣбми пять тысячъ человѣкъ и голодаетъ Самъ. Онъ запрещаетъ волноваться морю, наполняетъ множествомъ рыбы сѣти и изнемогаетъ подъ тяжестью креста, нести который оказывается въ силахъ Симонъ Киринеянинъ. Христосъ — двойствененъ, и однако въ этой двойственности не чувствуется дисгармоніи. Но только вѣра и божественная благодать могли дать силы начертать такой образъ и даютъ возможность понимать его. Исторія показываетъ намъ, что въ прошломъ многіе склонны были видѣть во Христѣ только Бога; теперь, когда культурные люди такъ усердно хотятъ эмансипироваться отъ Бога, въ Немъ хотятъ видѣть только человѣка. Въ первомъ случаѣ человѣкъ Христосъ становится призракомъ, во второмъ—призракомъ, фантомомъ становится дѣло Христово. Въ томъ и другомъ случаѣ уничтожается Евангеліе.

Дѣло Христа состояло не только въ томъ, что Онъ далъ міру совершенное нравственное ученіе, а—главное—въ томъ, что Онъ далъ силы для исполненія требованій этого ученія. Кто не понимаетъ этого, тотъ не понимаетъ Евангелія. Христосъ былъ истинною и вмѣстѣ силою. Его слово было со властію. Вѣра, которую Онъ проповѣдывалъ, двигала горы, управляла стихіями, исцѣляла болѣзни, давала прощеніе грѣховъ. Боговоплощеніе въ мірѣ привило міру новыя начала. Міръ оживотворился Духомъ Святымъ, и всякій всюю душою и всѣмъ сердцемъ ищущій Бога и правды Его можетъ становиться храмомъ Духа Святого. Христосъ создалъ Церковь, которую не одолѣютъ врата адовы. Это прежде всего значитъ, что Онъ далъ міру силы, пользуясь которыми каждый можетъ отразить всѣ нападенія ада. Церковь, основанная Христомъ, есть истина и сила. Для тѣхъ, кто будетъ искать истины, чтобы осуществлять ее, Церковь всегда будетъ непостижимою подательницею благихъ и святыхъ силъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). С. Глаголевъ.